

Сергей ГИРЧЕНКО

БАТУРИН

Драматическая притча о пяти предательствах в трёх действиях

ПАСПОРТ ПЬЕСЫ

- **Жанр:** историческая драма, притча
- **Персонажи:** 9 мужских, 2 женских (возможен камерный состав на 7 актёров без массовки)
- **Возрастная категория:** 16+
- **Хронометраж:** ориентировочно 100 минут

Аннотация:

Осень 1708 года. Готовясь к приходу шведов, гетман Мазепа превращает Батурин в арсенал, а прилуцкий полковник Иван Нос открывает войскам Меншикова потайную калитку, надеясь спасти семью от разорения. Падение крепости, пепел и анафема запускают череду измен, где каждый прикрывается «спасением». Спустя триста лет в разбитой взрывом телестудии потомок полковника возвращает медиа-пастырю тридцать старинных сребреников — вечную цену сделки с совестью.

Контакты автора:

serge.gir.sr@gmail.com

Телефон: +7 (919) 955-56-77

Город: Тюмень

2026 год

Осень 1708 года — сентябрь 1709 года — наши дни.

Великая Северная война.

Царь Пётр I ведёт тяжелейшую борьбу против сильнейшей армии Европы — шведского короля Карла XII. Главной опорой русского государя на южных рубежах на протяжении двадцати лет оставался гетман Войска Запорожского Иван Степанович Мазепа. Их союз казался нерушимым. Опытный европейский дипломат и латинист Мазепа стал для юного царя наставником, военным советником и крёстным отцом. Государь доверял гетману безгранично, осыпал наградами и землями, а доносчиков на измену Мазепы отдавал ему же на расправу.

Однако за внешним величием и заверениями в вечной преданности скрывался холодный расчёт. Два десятка лет Мазепа использовал ресурсы державы для укрепления собственной власти, снаряжения личных полков и накопления колоссальных запасов в тайниках гетманской столицы — Батурина.

Когда Карл XII повернул армию на Украину, Мазепа решил, что настал час отделиться от истощённой войной России, открыв шведам Конотопские ворота.

Удар ножом в спину от самого близкого человека стал для Петра I сокрушительным потрясением. К мятежному Батурину был брошен князь Александр Меншиков. И пока верхи вели большую геополитическую игру, внизу развернулась человеческая трагедия: прилуцкий полковник Иван Нос, движимый страхом за семью и родное село, открыл царским войскам тайную калитку в крепость. Батурин пал и был сожжён, Мазепа бежал, а духовные и светские элиты совершили череду предательств, эхо которых спустя триста лет отозвалось в дне сегодняшнем.

О сценическом пространстве и языке:

Действие первых двух актов разворачивается в Батурине, лагерях на берегах реки Сейм, в соборе Глухова и в турецкой Варнице близ Бендер. Третий акт переносит действие в холодный неон современной телевизионной студии прямого эфира. Пьеса написана русским литературным языком, с добавлением колоритной малороссийской и казачьей лексики рубежа XVII–XVIII веков в традициях повестей Николая Гоголя.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- **МАЗЕПА** Иван Степанович — гетман Войска Запорожского обеих сторон Днепра. Семьдесят лет. Нога гниёт под тяжёлыми бинтами. Тонкий дипломат, латинист, царедворец. В речах с чужими — изысканный вельможа, со своими — уставший, циничный степной волк.
- **ОРЛИК** Пылып — генеральный писарь. Предан гетману собачьей, мучительной верностью. Тень Мазепы, его перо и хранитель тайных помыслов.

- ЧЕЧЕЛЬ Дмѣтро — наказной гетман, комендант Батуринской крепости, полковник сердюков. Прямой, свирепый рубежный рубака.
- НОС Иван — прилуцкий полковник. Кряжистый, к земле прибитый мужик. Разрывается между жалостью к своим хуторянам, животным страхом за семью и воинской присягой.
- ГАННА (Ганзя) — жена Ивана Носа. Тихая, исстрадавшаяся женщина.
- МЕНШИКОВ Александр Данилович — светлейший князь, правая рука царя Петра I. Чует измену кожей. Опасен ледяным, деловым спокойствием карающей силы.
- КАРЛ XII — король Швеции. Двадцать семь лет. Ранен, сломлен поражением под Полтавой, но держит холодную королевскую статью.
- КРОКОВСКИЙ Иоасаф — митрополит Киевский, Галицкий и Малыя России. Учёный богослов, ставший виртуозом духовного лукавства и приспособленчества.
- ПРОТОИЕРЕЙ — клирик Троицкого собора в Глухове.
- СОВРЕМЕННЫЙ «МИТРОПОЛИТ» — лощёный медиа-пастырь в шёлке и золоте. Вместо Евангелия — прейскурант, пиар и геополитика.
- НОС-ПОТОМОК — историк. Человек, которому чужое наследство жжёт руки.
- ВЕДУЩАЯ — глянцевоe лицо телеэфира. Женщина без возраста, нервов и стыда.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАЛИТКА

Сцена первая

Батурин. Земляной вал у Северного раската. Октябрь 1708 года. Сырой, студёный туман ползёт от реки Сейм. Ветер крутит жёлтую листву по брёвнам частокола.

У чугунной пушки тлеет смоляная бочка. Дмýтро Чечель в распахнутом волчьем полушубке тянет люльку, кремень вспыхивает багровым огоньком. Вглядывается в заречную муть.

Слышны тяжёлые шаги по намёрзшей глине помоста. Поднимается Иван Нос, плотно кутаясь в подбитый мехом полковничий кунтуш.

ЧЕЧЕЛЬ *(не поворачивая головы, сквозь зубы).*

Полночь на дворе, пане полковнику. Чего по валу рыщешь, словно сыч в бурю?

НОС. Сна нет, Дмýтро. Земля под ногами дрожмя дрожит, ровно пчельник перед грозю.

Дозорные казаки прибежали: за Сеймом, у самой переправы, походные костры разложили. Три полка царской пехоты подошли, конные драгуны кругом снуют. А у нас мосты раскиданы, ворота на железных болтах, сердюки фитили к гарматам ладят.

Ты мне скажи, по совести, добродию: мы от кого заперлись?

ЧЕЧЕЛЬ *(медленно выпускает горький сизый дым, поворачивается).*

От гостей, Иване. От незваных.

НОС. От каких таких гостей?! Меншиков — государев наместник!

Царь Пётр грамоту слал: в Батурине полкам стать, хлеб ссыпать, порох беречь.

А ты по царским трубачам из мушкетов палить велишь!

На посаде бабы воют, в соборе казаки шепчутся: «Чего ради на своих пушки навели?»

ЧЕЧЕЛЬ *(шагает вплотную, вынимает изо рта люльку, говорит глухо, придушенно).*

А кто тебе сказал, глупая твоя голова, что москали нам — свои?

НОС *(отступает на полшага, крестится)*.

Чи ты с глузду съехал, Чечелю?!

Царь Пётр гетману нашему как сын родной!

ЧЕЧЕЛЬ *(усмехается в усы, зло)*.

Сын... Ты, Иван, дальше своего прилуцкого хлева и носа не показываешь!

Думаешь, гетман зря три года по амбарам жито ссыпал?

Зря ядра пудовые да порох со всей Гетманщины сюда возами пёр?

Для москалей, скажешь, добро берёт?

(Покачал головой, улыбаясь в усы).

Король идёт, Иван!

НОС. ...Кто?! Король?

ЧЕЧЕЛЬ. Шведский! Карлус! С непобедимым войском!

На стругах и човнах под парусами по Десне да по Сейму — прямо в Батурин! Его гармаши уже через день-два будут причаливать близ Конотопских ворот.

(Заулыбался).

А здесь ему и на столе солоно, и в тайниках богато: пушки с ядрами, фузеи добрые, порох сухой да кафтаны шведского сукна!

Войско Запорожское под протекцию шведской короны становится.

Навеки!

Чуешь, Иван?

НОС *(испуганно крестится)*.

Да нехай Бог милуе!

Карлус — лютеранин, нехристь!

Шведы кирхи ставят, иконы сапогами сбивают, образами печи топят.

А крестное целование царю православному куда деть?!

Душу куда пристроить?!

ЧЕЧЕЛЬ *(выдёргивает из-под полушубка охапку шёлковых узких лент — золотисто-жёлтых и лазорево-синих — и швыряет Носу в грудь)*.

На, держи! Личный дар его королевского величества ясновельможному гетману!

НОС *(растерянно перебирает чужой шёлк, глядит с оторопью)*.

Это... что за шутовство?

ЧЕЧЕЛЬ. Не шутовство, а значки военные! Королевские цвета! Велено на казачьи пики вязать, чтоб шведские драгуны в дыму да в сече наших сердюков от царских полков отличали. Лазоревое с золотом!

НОС *(в ужасе роняет ленты в грязь)*.

На пики?.. Чужой колор?! А Спаса Нерукотворного с полковых знамён куда деть?! А кресты медные с хоругвей сдирать прикажешь?!

ЧЕЧЕЛЬ *(хватает Носа за ворот жупана, встряхивает)*.

В ров сдирай! Отмолишь потом!

Ты что дурнем прикидываешься? Совсем не понимаешь?

Крест целовали, пока Москва золотом кормила! А нынче воля пришла!

Иван Степанович сказал: «Останемся под царём — вечными рабами в болотах сгниём!

А Карлус придёт — порядок наведём другой. По артикулу шведскому — в кружевных воротничках и панталонах ходить будем, станем краем вольным, европейским!»

Так что ты, полковник, сопли не распускай. Своих прилуцких хлопцев ставь на Северный раскат.

Сунется Меншиков — картечью вдарь, чтоб кровавая пена по реке пошла!

А кто у ворот дрогнет — лично на дубовом зубце в петлю вздыну.

Ступай.

НОС *(медленно выпрямляется, поправляет ворот, в глазах — холодная решимость)*.

Ступаю, батьку комендант.

На раскат так на раскат.

Прилучане пороху не боятся.

(Уходит тяжёлым шагом. Слышно, как шпоры звенят по деревянному настилу).

ЧЕЧЕЛЬ *(смотрит ему вслед, сплёвывает на доски)*.

Гнида прилуцкая.

В очах попы да кресты, а в кармане, небось, уже московский пятак зажат.

(Поворачивается к молодому сотнику).

Глаз не спускать.

Заметишь, что к реке поглядывает или к тайным вылазам — руби без слова.

В капусту.

(Смотрит вдаль, туда, где за Сеймом синеют черниговские леса).

Где ж ты припозднился, Карлус...

Сцена вторая

Хата Носа в Батуристине. Та же ночь. Жарко натопленная светлица. В углу перед закопчёнными образами Спаса и Николая Чудотворца теплится лампада. Пахнет сухими травами, печёным хлебом и тревогой. Ганна сидит на лавке, пальцы судорожно вяжут узлы на дорожном платке.

*Вваливается Нос. Дорогой жупан тёмен от сырого тумана, лицо серое.
Он тяжело садится на лавку, роняет руки на колени.*

ГАННА. Чую, бежать надо, Иване! Запрягай бричку, пока темно, глухими тропами через луга уйдём в Прилуки, на свой хутор!

НОС. Некуда бежать, горлица моя. За рекой царские драгуны стоят, в крепости сердюки Чечеля сабли точат. Чечель лютый стал, ровно бес в него вселился. Мазепа шведа ждёт. Продал гетман всё, Ганна.

У царя с руки ел, а сам лютеранину Конотопские ворота приготовил.

ГАННА *(в ужасе крестит рот)*.

Шведа?! Иноверца на Русь кличет?!

НОС. Его самого. А Меншиков под стенами уже стоит, в Сейме коней поит. Ты же знаешь царскую пехоту: если город замкнуть — они огнём посад выжгут, всё дотла спалят!

Чигирин помнишь, Ганзю?.. Помнишь, серденько моё?!

Я тогда по весне восемнадцать дворов своими руками схоронил! Восемнадцать!

У кузнеца Михайла дитё на пику подняли, хаты факелами палили...

Я второй раз этого бабьего крика не вынесу!

Отсидеться не получится.

ГАННА *(обнимает его за шею, плачет)*.

Иване, милый мой, не бери греха на душу! Ты же полковник, рассуди по Божьей правде! Сбережи нас!

НОС *(прижимает её к груди, целует в мокрое от слёз лицо, голос падает до глухого шёпота)*.

Слушай меня, Ганна. Слушай и помни. Из хаты — ни ногой. Дверь дубовую на засов, деток подле печи держи, в подушки закутай.

Слышишь меня?

Дома сидите!

Что бы на улице ни выло, какая бы нечисть ни ломилась — сидеть тихо!

ГАННА. А ты?!

НОС *(наклоняется к самому её уху)*.

Если со мной что... Если не вернусь к утру...

В Бахмаче, в маткиной светлице, за образами Мыколы Чудотворца доска в стене вынимается. Там гроши спрятаны на чёрный день. И серебро, и левендальдеры. Бережи деток, Ганночка.

Купишь им хлеба, схоронишься у родни на хуторе...
Бережи себя, деткам мамка нужна.

ГАННА (*истово, сквозь рыдания крестит его лоб, грудь, плечи*).
Господи Всемиловитый, покрой его святым Твоим омофором!
Пречистая Дева, заступись!..
Иван, возвращайся живым! Не погуби душу!

НОС (*тяжело встаёт, надвигает шапку*).
Душа, Ганночка, она у Бога на весах.
А детки наши — вот они, на лавке спят.
Прости меня.

(Нос выходит в сырую ночь. Ганна падает ниц перед темнеющими иконами).

Сцена третья

*Покои гетмана в Батурине. Час спутя. Полумрак. Душный запах
уксуса, гниющей плоти и церковного елеса. На дубовом столе — раскрытый
том Ливия, серебряный кубок с рейнвейном и свитки.
Семьдесят лет Мазепе. Он полулежит в кресле, укутанный собольей шубой,
больная распухшая нога лежит на подушке.
Орлик меняет повязки, смывая сукровицу.
Глаза гетмана горят сухим, лихорадочным блеском.*

МАЗЕПА. Смердильницы на крыльцо выставил, Пылып?

ОРЛИК. Поставил, пане гетмане. Маслом деревянным и ладаном залил по самые
края. Всякий подумает: соборуют старца, к праотцам отходит.

МАЗЕПА. Добре, сынку, добре... Пусть Александр Данилыч нюхает. Пусть летит
гонец к царю: гетман при смерти, язык отнялся, грехи замаливает.
Эх, царь Пётр... сердце у него горячее, мальчишеское. Заплачет ведь, дурак
венценосный! Свечку в церкви запалит за упокой верного слуги.
(Усмехается тонко, безжалостно).
Он ведь мне верил, Пылып. Слепо верил! Двадцать лет верил!

ОРЛИК. Двадцать лет — немалый кусок жизни, Иван Степанович.

МАЗЕПА. А я каждый денёк помню, словно вчера было!
Восемьдесят девятый год, Москва. Мне — пятьдесят лет, тёртый дипломат,

европейской выучки шляхтич. А ему — семнадцать! Верзила долговязый, после стрелецкого мятежа глаз дёргается, пальцы дрожат...

Я ведь к нему прямо с доносами прибежал на князя Василия Голицына!

А князь-то Голицын мне булаву гетманскую на Коломаке в руки дал, из своей чаши поил!

Я Голицына через колено сломал, молодому Петру в ноги поклонился — очаровал его латынью, манерами, поклонами тонкими!

Для себя я его лепил, Пылып!

Слышишь? Для себя!

ОРЛИК. Он тебя отцом звал...

МАЗЕПА. Звал! Под Азовом в одном походном шатре спали, из одного котла кулеш хлебали!

В Острогожске царь мне в пояс кланялся за победу над басурманом, кафтаны парчовые со своего плеча дарил, столпом малороссийским нарёк!

Орден Андрея Первозванного — вторым в государстве! — мне на грудь нацепил!

И когда кум мой, генеральный судья Кочубей, донос Петру отписал с моими же тайными листами к польскому двору — что сделал царь?!

Сжёг донос!

А Кочубея с Искрой мне сюда в Батурин на плаху прислал!

Потому что «батяко врать не будет»!

ОРЛИК. Любил он тебя, Иване Степановичу...

МАЗЕПА (*вскипает*).

А мне его лобызать прикажешь?!

Рим строил дороги, а по дорогам шли легионы.

Нумидийцы ушли от Рима не от ненависти к консулам.

От духоты. Кому охота подметать чужие триумфы?

Москва мои малороссийские полки хотела под сапог загнать, вольности под корень срубить!

А я все годы из империи жилы тянул!

Полки одел? Одел!

Пушки и ядра отлил? Отлил!

Хлеб в ямы засыпал? Засыпал!

Всё за царские червонцы!

Присосались к подбрюшью, войско откормили — а нынче жребий брошен!

Карл силу военную Петру покажет. Европейскую.

А мы в сторонке подождём. Всё перемелется, мука будет, мы и запануем.

(*В дверь стучат. Входит Нос, жупан растёгнут, шапку комкает в кулаке, взгляд затравленный*).

НОС. Челом бью ясновельможному гетману...
Меншиков трубача шлёт.
Государев приказ: впустить полки на постой.
Чечель по трубачу стрелять велел.
Меншиков пехоту строит.

МАЗЕПА (*Лежит. Вдруг его тело выгибается дугой от боли. Он хватается ртом воздуха. Голос мгновенно становится слабым, старческим, прерывающимся*).
Видишь сам, полковник... Кость гниёт, дух вон выходит.
Какое мне дело до Меншикова? Умереть спокойно хочу. Отдам Богу душу — милости прошу, пусть отпевать заходит.
А московцев в город пока не пущать. Передай Чечелю: ворота запереть.

НОС (*вглядывается в лицо старика*).
Иван Степанович...
Козаки меж собой про зраду брешут: король шведский до гетмана шпацирует с полками. Батуринские на соборе спросили: за кого свечи палить? За царя чи за гетмана?
(*Нос тяжело сглатывает, отводит взгляд*).

МАЗЕПА (*взгляд становится холодным, как лезвие сабли, голос бьёт как плеть*).
А ты, полковник, брехню по селу не собирай. Твоё дело — ратное.
Свобода, Иван, не в Прилуках на печи печётся.
Кто в золочёных каретах ездят, цену не спрашивают.
Ступай на стену.
(*Нос долго молчит, пятится к двери и выходит*).

ОРЛИК. Не нравится мне Нос, пан гетман. В глазах у него — муть и предательство.

МАЗЕПА. Куда он денется? Присягал.
Замотай ногу ту же, Пылып...
Жжёт, словно смолой кипящей заливают.

Сцена четвёртая

Берег Сейма. Лагерь Меншикова. Ночь. Шелестит речная осока. Небольшой костёр укрыт плетнём от крепостных дозоров. Меншиков в собольем полушубке поверх лат сидит на поваленной вербе. Ритмично, медленно точит кинжал о брусочек. Вжик. Вжик.

Драгуны выводят мокрого, перепачканного речной тиной Носа. Подол жупана волочится по илу. Нос валится на колени в речную жижу.

МЕНШИКОВ (*не прерывая точить*).

Сейм холоден, полковник?

Зачем в реку полез, коли в Батурине печи жарко топят?

НОС (*хрипит, задыхаясь*).

Светлейший князь... Вброд лез, под корягами таился!

К тебе я... О великой зраде донести!

МЕНШИКОВ (*вжик, вжик*). Измена? Какая измена, Иван?

Царь мне грамоту шлёт из похода: «Алексашка, поезжай к крёстному моему Мазепе, береги его, он мне вместо отца родного».

Царь у нас в любовь верит. А ты мне сказки рассказываешь.

Рассорить хочешь?

НОС. Не сказки, княже! Карла он ждёт! Всё шведу припас: и порох, и ядра, и хлеб, и сукна!

Чечель по государевым людям картечью палить велел!

Мазепа не помирает, придуривается! Сидит в шубе да латынь разбирает!

МЕНШИКОВ (*замирает. Медленно поднимает глаза. В них полыхает страшная, беспощадная ярость*).

Понимаешь ты, каково царю узнать, что его за нос водили, как щенка?! С рук старого волка кормили! Земли, полки, ордена дарили! Кочубея на смерть отдали ради верности его! А он к лютеранину переметнулся?! Присосался к державе, казну выгреб и нож в спину?!

(*Голос падает до тихого свиста*).

Ворота дубовые, полковник.

Если на приступ пойду — пехоту положу.

Карл близко. Завтра услышим, как они фельдмарш бьют.

Ждать не стану: ядрами калёными город заброшаю, от Батурина пепел останется.

НОС (*ползёт на брюхе вперёд, падает ниц, хватая сапог Меншикова, припадает к его руке и иступлённо целует пальцы*).

Накажи его, светлейший! Накажи Иуду!

Только людей помилуй! Родное село пощади!

Бабы в соборе воют, дети малые плачут!..

МЕНШИКОВ (*брезгливо отдёргивает руку*). Как же их помиловать, коли изнутри ворота на железном болту? Сами не отворятся.

НОС (*тяжело дышит, сглатывает горькую слюну*).

Калитка есть, Александр Данилович.

МЕНШИКОВ. Какая калитка?

НОС. На задах. Возле гетманской бани.

Тайный лаз через сухой ров прямо в цитадель ведёт.

Чечель там стражи не поставил, всех на мост погнал.

Я сам полк встречу, калитку открою. Прямо в сердце ударите.

МЕНШИКОВ (*прячет кинжал в ножны, медленно улыбается*).

Ну вот и ладно, Иван. Пехоту от греха уберёг.

По коням, полковник. Показывай свою калитку.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КРОВЬ И ПЕПЕЛ

Сцена первая

Берег Сейма. Утро после штурма Батурина. Кровавый рассвет сквозь чёрную гарь. Батурин на холме пылает — рушатся частоколы, падают горящие балки собора.

По реке Сейм медленно плывут плоты: на них установлены кресты с телами казнённых сердюков.

С берега доносится сплошной, раздирающий душу бабий вой — батуринские матери и вдовы голосят над пепелищем. Меншиков стоит у воды, вытирая саблю платком.

Рядом в грязи ползает Нос, его бьёт крупная дрожь.

НОС. Данилыч... Помилуй!.. Зачем собор сожгли?..

Чечеля на колесо живьём...

Вода в Сейме красная!

Вся слобода в огне! Вся слобода!..

МЕНШИКОВ (*подходит медленно, тяжёлым шагом*).

Я тебе обещал, Иван, что твоя голова на плечах останется? Вот она. Тронь рукой, коли не веришь.

А бунт и измена государю кровью смываются, а не слезами.

Мазепа твой где? Сбежал, пёс! Бросил Батурин, бросил холопов своих, к Карлу на брюхе пополз! А ты остался.

НОС. Я ж калитку открыл! Я ж помог!..

МЕНШИКОВ (*достаёт из-за пазухи тяжёлый кожаный гаман, развязывает тесьму*).

На. Бери. Ровно тридцать ефимков. Полновесное серебро. Не московская чешуя — добрый цесарский талер.

НОС (*в ужасе отползает*).

Не надо... Князь, помилуй! Булаву сулил...

МЕНШИКОВ. Ты своего господина предал, которому служил верой и правдой. Думаешь, государь тебе полк доверит?

Да ты завтра шведу калитку откроешь и ключи от всех ворот на блюде вынесешь, если прижмёт!

Собирай, говорю!

На помин души батуринцев пойдёт.

Свечи нынче дороги.

(*Меншиков встряхивает гаман. Тяжёлые серебряные монеты со звоном падают в речную грязь, смешиваясь с пеплом.*

Нос, рыдая, ползает на четвереньках и судорожно собирает монеты в полу расхристанного, перепачканного илом жупана).

МЕНШИКОВ (*глядя на зарево Батурина*).

А для гетмана твоего государь уже другую награду куёт.

Приказал в Москве отлить медаль в пуд весом. С цепью чугунной.

На ней Иуда на осине повесился и тридцать сребреников под ногами.

«Орден Иуды» назовём.

Лично на шею Мазепе примерим, как изловим.

Сцена вторая

Собор в Глухове. Ноябрь 1708 года. Огромный собор. Мерцают сотни свечей. В центре храма — набитое соломой чучело Мазепы с голубой андреевской лентой через плечо. На аналое ещё лежит серебряная булава, которую только что вручили новому верному гетману Скоропадскому.

Митрополит Иоасаф Кроковский в полном архиерейском облачении стоит перед царскими вратами. Пальцы судорожно перебирают чётки. Меншиков стоит у клироса, опершись на эфес палаша.

МЕНШИКОВ (*говорит сдержанно, глухим, свинцовым голосом, сдерживая клочущую ярость, но требуя беспрекословного повиновения*).

Владыка Иоасаф, время не ждёт!

Рада кончилась, казаки Скоропадского на гетманство единодушно кликнули.

Ты Ивана Ильича крестом осенил, булаву в руки сунул, к присяге государю привёл.
Полдела сделано.

Теперь главное! Выходи на амвон. Прокляни Иуду!

КРОКОВСКИЙ *(голос дрожит, чётки стучат о панагию).*

Князь Александр Данилович... Побойся судилища Небесного!

Анафема — страшное таинство!

По апостольским правилам отлучают токмо за ересь лютую, за хулу на Пречистую
Троицу!

Мазепа — бунтовщик, нарушил государственную присягу, но веры православной он
не погряз!

Храмы ставил, Лавру золотил, Могилянский коллегиум возвысил!

Как наложить вечное проклятие за мирскую ссору?

Церковь вне мирской политики!

МЕНШИКОВ *(подходит к митрополиту вплотную, в бешенстве сжимает кулак, замахивается рукой в перчатке, но сдерживается).*

Вне политики?!

А когда этот старый лис крестника своего продавал — он вне церкви был?!

Мазепа — крёстный отец государя!

Он у купели держал царя, Христа призывал в свидетели любви и дружбы!

А потом привёл на православную землю лютеранина!

Шведские кони в наших храмах овёс жрут! Это, по-твоему, не ересь?!

Отдать православное стадо волкам-иноверцам ради своей шляхетской спеси — это не
отступление от Христа?!

КРОКОВСКИЙ. Я... я должен спасти паству... А если государь дрогнет?

Что скажет шведский король, когда войдёт в Киев?

МЕНШИКОВ *(наклоняется к самому уху архиерея).*

Вот оно что, святитель...

Ты победы шведа ждёшь, собака!

Хочешь и нашим, и вашим со свечкой угодить?

Слушай меня: в этот самый час в Москве, в Успенском соборе, перед царевичем
Алексеем митрополит Стефан Яворский уже поднял крест на изменника!

Вся первопрестольная анафему гремит!

А ты здесь, в сердце Малороссии, юлишь?!

Карл сюда не дойдёт.

А мои полки — здесь.

Оглядишь. Если через минуту клирик не начнёт чин отлучения — этот собор станет
твоей могилой! Со всеми попами и певчими.

(Кроковский бледнеет до синевы, ноги его подкашиваются.)

Он отступает в тень алтаря.

Из полумрака выступает тощий протоиерей с грамотой в руках.

Кроковский судорожно хватает протоиерея за рукав, лихорадочно шепчет ему на самое ухо).

КРОКОВСКИЙ *(быстрым, змеиным шёпотом).*

Про ересь — молчи. Ни слова о вере! Читай токмо за бунт... за измену кесарю... за клятвопреступление государево... Слышишь?

Чтоб Вселенский собор в Царьграде анафему не признал! Чтоб чиста церковь осталась... Ступай!

(Протоиерей испуганно кивает, крестится и поднимается на амвон.

Кроковский отворачивается к стене, закрыв лицо руками).

ПРОТОИЕРЕЙ *(возглашает набатным, страшным церковным гласом).*

Мы, собранные во имя Господа Иисуса Христа, и имеющие, подобно святым апостолам, от Самого Бога власть вязати и решить: аще кого свяжем на земли, связан будет и на небеси!.. Бывшему гетману Ивану Мазепе... крестное целование поправшему, великому государю изменившему, на Русскую землю иноверцев приведшему... за клятвопреступление и зраду — буди анафема!

ХОР *(страшно, протяжно, на весь собор).*

Анафема... Анафема...

(Удар колокола. Палач срывает с соломенного чучела Мазепы андреевскую ленту, волочит его по каменным плитам и вешает на позорную виселицу перед собором. Менишков внимательно смотрит в спину дрожащего Кроковского, холодно усмехается и выходит из храма).

Сцена третья

Село Варница под Бендерами. Сентябрь 1709 года. Османская земля.

Бедная глинобитная усадьба. Южный зной, сухой степной ветер свистит в полыни и бурьяне. На лавке под ветхим навесом лежит семидесятилетний Мазепа. Он иссох, лицо цвета золы, в глазах — лихорадочный бред.

Орлик сидит рядом, смачивая пересохшие губы гетмана. У дверей стоит Карл XII — в пыльном синем мундире, с перевязанной после Полтавы ногой, тяжело опираясь на шпагу.

КАРЛ XII. Царь Пётр прислал великому визирю в Стамбул грамоту.
Триста тысяч золотых червонцев предлагал посол Толстой, лишь бы тебя выдали в
цепях в Москву.
Там отлили для тебя пудовую железную цепь.

МАЗЕПА (*хрипит, хватаясь за край шубы*).
Не отдадут... Не отдавай меня туркам, Карлус... Я вольность казацкую искал...

КАРЛ XII. Король Швеции словом не торгует, Иван.
Я задействовал все связи, просил мать султана.
Османь отказали русским: закон исламского гостеприимства не нарушат.

МАЗЕПА. Полтава... Зачем ты полез на Полтаву, Карлус?..
Меншиков Батурин сжёг... войско моё разбежалось...

КАРЛ XII (*тяжело смотрит в степь*).
Мы оба разбиты, гетман.
Я переоценил шведский штык.
Ты переоценил своих казаков.
Они не пошли за тобой.

МАЗЕПА (*хрипит*).
Быдло... Холопы слепые...

КАРЛ XII. Помнишь ту зиму под Гадячем, Иван? Лютый мороз... Птицы падали
замертво на лету. Мои гренадёры руки и ноги отмораживали, сотнями гибли в
сугробах. А крошечный Веприк заперся и дрался против всей моей армии!
Твой же народ, малороссийские казаки, стреляли в нас, пока порох не кончился!
Две тысячи солдат и лучших офицеров я положил под Веприком!

МАЗЕПА. Пленные казаки... я помню...

КАРЛ XII. Я царских солдат щадил, как военнопленных. А ты захваченных казаков
живьём в ямы бросил!
Голодом морил! Думал страхом народ подчинить?
А они как львы дрались за царя.
Города стояли пустые — Зеньков, Опошня...
Моим фуражирам пришлось жечь их дотла.
С пепла державы не строят, гетман.

МАЗЕПА (*стонет*).
Мы союз скрепляли... Грамоту писали...

КАРЛ XII. Наш договор восьмого апреля? Всего пять месяцев назад... Я даровал тебе титул пожизненного «законного князя Украины». А ты обещал передать шведской короне Батурин, Стародуб, Гадяч, Полтаву...

Только Батурин к тому дню уже был пеплом, в Стародубе стояли царские гарнизоны, а под Полтавой нас ждала могила.

Мы делили города, которых у нас не было. Мы торговали воздухом, Иван.

МАЗЕПА (*мечется, хрипит, скрюченными пальцами судорожно рвёт ворот рубахи, нащупывая на груди нательный крест*).

Пётр... хлопчик мой... Не целовал я креста... Целовал и порвал!.. Алеа якта эст... Пылып! Пылып, сынку!..

ОРЛИК (*держит его за дрожащие плечи*).

Здесь я, батьку. С тобой я!

МАЗЕПА (*с неожиданной старческой силой срывает с шеи шнурок с потемневшим нательным крестом, суёт его в руки Орлику, задыхается*). Сними... Сними с меня, печёт! Будто кипящей смолой в грудь каплет!.. Возьми. Крест мой... нательный... с купели... Петру отдай. Слышишь, Пылып?! Через границу... через купцов, через армянских факторов в царский обоз передай! Они за червонец сквозь землю пройдут, государю в руки снесут... Отдай крестнику! Скажи: батька крёстный вернул, перед смертью прислал... Пусть простит... не откажет... Жжёт, Пылып! Ой, жжёт крест!..

ОРЛИК (*прижимает его руку с крестом, глотая слёзы*).

Господи, помилуй... Успокойся, батьку... Не рви душу. Бог простит...

МАЗЕПА (*глаза стекленеют, голос падает до глухого шёпота*).

Не простит... Батурин горит... ров сухой... Нос калитку отворил... Пиши, Пылып!.. Пиши договор... «Пакта эт конституционес»... Права... Вольности... Чтобы не зря... Младенцы в соборе плачут... темно...

(*Мазепа затихает, голова запрокидывается назад, рука с глухим стуком падает с лавки. Потемневший серебряный крестик остаётся в руке Орлика. Орлик медленно закрывает умершему веки*).

КАРЛ XII (*обнажает шпагу, салютует покойному, затем опускает лезвие к земле*).

Отмучился.

(*Король тяжело опирается на шпагу, глядя на Орлика*).

Слушай моё королевское слово, писарь.

Передай племяннику, Андрею Войнаровскому: пусть примет казну и отдаст дяде последний долг.

Тело обрядить в лучший бархат.

Здесь погребать нельзя — русская граница слишком близко. Царские разъезды раскопают могилу, увезут прах на поругание в Москву. Снимайтесь ночью. Пойдём в Молдавию, в Галац. Положим его в церкви Святого Георгия — с высшей княжеской пышностью. Мой королевский караул отдаст воинские почести.
(Подходит ближе к Орлику, голос звучит жёстко).

А ты что застыл? Бери булаву, Пылып.
Казаки за тобой пойдут — больше некому.
Ты теперь гетман.
Пиши свои договоры.
(Оборачивается к телу Мазепы).
Прощай, Иван.
Ты хотел перехитрить саму историю.
Но история не нанимается на службу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПРЕЙСКУРАНТ

Сцена первая

Наши дни. Телестудия прямого эфира. Холодный неон. На видеостенах — меняющиеся кадры войны, карты, лица людей. В глубоких креслах — Современный «Митрополит» в белоснежном клобуке и шёлковом подряснике с панагией, и Нос-потомок — сухощавый историк в скромном костюме. Между ними — Ведущая.

ВЕДУЩАЯ. В эфире ток-шоу «Час истины». Владыка, вопрос от зрителя: «Как относиться к тем, кто сегодня по другую сторону фронта? Наши деды когда-то стояли рядом. Что делать с памятью об этом? И где кончается защита и начинается ненависть?»

СОВРЕМЕННЫЙ «МИТРОПОЛИТ» (мягко, почти ласково).

Дорогие мои братья и сестры.

Война всегда ставит человека перед трудным выбором.

Сейчас главное — не сомневаться. Враг есть враг. А когда обстоятельства требуют твёрдости, совесть должна уступить место необходимости.

Мы благословляем тех, кто защищает своё. Остальное решит время.

ВЕДУЩАЯ (кивает). А теперь — историк. Иван Петрович Нос, прямой потомок прилуцкого полковника. Что говорит память?

НОС-ПОТОМОК *(смотрит на «митрополита»)*.

Память говорит просто: предательство не меняет повадок. Меняются только цены.

СОВРЕМЕННЫЙ «МИТРОПОЛИТ» *(слегка морщится)*.

О каком предательстве вы говорите?

НОС-ПОТОМОК. О самом обычном. Мой предок Иван Нос триста лет назад тоже говорил, что спасает свою хату. Открыл калитку царским полкам, нарушил присягу, взял тридцать ефимков — и потом всю жизнь не мог к ним прикоснуться. Мазепа тоже считал, что выбирает спасение. Каждый объяснял себе одно и то же: иначе нельзя. А вы, владыка, чем это объясняете?

СОВРЕМЕННЫЙ «МИТРОПОЛИТ» *(холодно)*.

Вы говорите со мной так, будто уже вынесли приговор.

НОС-ПОТОМОК. Нет. Приговоры выносят судьи. Я только напоминаю. Когда человек начинает оправдывать то, что вчера назвал бы грехом, слова меняются быстрее совести. Сначала — необходимость. Потом — долг. Потом — благо. А цена остаётся за кадром.

ВЕДУЩАЯ *(нервно)*.

Режиссёр... Мы, кажется, уходим от темы.

НОС-ПОТОМОК. Нет. Как раз к ней и пришли.

(Достаёт из кармана пиджака старинный, потемневший кожаный гаман, развязывает тесьму.)

Вот они. Ровно тридцать. Те самые ефимки. Предок мой сохранил их. Потратить не смог. Видно, знал: деньги иногда тяжелее камня. Забирайте, владыка. Пусть снова послужат по назначению.

(Нос-потомок с размаху бросает гаман к ногам «митрополита». Монеты со звоном выкатываются на зеркальный подиум.)

(За стенами студии раздаётся далёкий удар. Стекло дрожит. Свет на мгновение гаснет. Затем — второй удар, ближе. Включается аварийное освещение. Где-то в коридоре воеет сирена.)

(Монеты сыплются с подиума на пол. Бумаги взлетают. Ведущая и операторы бросаются к выходу.)

ВЕДУЩАЯ. Все в убежище! Быстрее!

(Нос-потомок остаётся на месте. Смотрит на рассыпавшиеся монеты.)

(«Митрополит» медленно опускается на колени.)

(Он начинает собирать монеты. Одну. Вторую. Третью. Не замечает ни пыли, ни разбитого стекла.)

СОВРЕМЕННЫЙ «МИТРОПОЛИТ» *(не поднимая головы).*

Шестнадцать... семнадцать... восемнадцать...

(Собирает дальше.)

Вы романтик, Иван Петрович. Деятнадцать... А миром правят приходно-расходные книги. И тогда, и сейчас... Калитка всегда открыта. Главное — успеть войти в долю...

Двадцать... двадцать один...

(Нос-потомок смотрит на него, затем медленно уходит в тёмный коридор.)

(«Митрополит» остаётся один. В красном аварийном свете он прижимает к себе гаман и продолжает считать.)

(Свет медленно гаснет. Сирена удаляется. Тишина.)

ЗАНАВЕС

Примечание 1

(Исторические реалии и персоналии)

Иван Степанович Мазепа (1639–1709) — гетман Войска Запорожского обеих сторон Днепра (1687–1708).

Получил булаву при поддержке фаворита царевны Софьи князя В. В. Голицына, которого впоследствии предал, явившись с повинной к 17-летнему Петру I.

На протяжении двадцати лет пользовался абсолютным доверием царя, был вторым в истории кавалером учреждённого Петром ордена Андрея Первозванного. Осенью 1708 года тайно перешёл на сторону шведского короля Карла XII.

Батуринская трагедия (ноябрь 1708 года) — взятие резиденции гетмана Мазепы войсками князя А. Д. Меншикова. Город был превращён в мощную цитадель с огромными запасами пороха, оружия и хлеба для шведов. Крепость пала благодаря прилуцкому полковнику Ивану Носу, указавшему тайный водосточный проход (калитку). Ожесточённое сопротивление гарнизона привело к полному сожжению Батурина. Восстановлена крепость по указанию президента Украины Виктора Ющенко.

«Орден Иуды» — уникальная медаль весом в 11 фунтов (около 4,5–5 кг), изготовленная на Московском монетном дворе в единственном экземпляре в начале 1709 года по личному приказу Петра I.

На медали был изображён повесившийся на осине Иуда Искарот с тридцатью сребренниками у ног и выбита надпись: «Треклят сын погибельный Иуда еже за сребролюбие давится».

Предназначалась для надевания на шею Мазепе в случае его пленения.

Глуховская рада (ноябрь 1708 года) — чрезвычайный войсковой круг в городе Глухове, на котором по воле царя Петра I новым гетманом был избран стародубский полковник Иван Скоропадский.

В Троицком соборе Глухова в присутствии высшего духовенства было совершено символическое поругание чучела Мазепы и объявлен чин церковного отлучения.

Иоасаф (Кроковский), митрополит Киевский (ум. 1718) — видный церковный деятель, префект Киево-Могилянской академии.

Оказавшись между гневом Петра I и опасностью прихода Карла XII, совершил канонический компромисс: предал Мазепу анафеме за клятвопреступление и бунт, но намеренно не сформулировал обвинение в религиозной ереси.

Это позволило иерархам Константинопольского патриархата в Османской империи не признать отлучение и законно совершить церковное погребение Мазепы.

В 1718 году был арестован по делу царевича Алексея и скончался по пути на допрос в Тверь.

Варница и монастырь Святого Георгия в Галаце — село близ Бендерской крепости, где в сентябре 1709 года угас разбитый лихорадкой 70-летний Мазепа. Опасаясь осквернения праха, соратники тайно вывезли тело в Молдавское княжество, где гетман с воинскими почестями был погребён в кафедральном монастыре Святого Георгия в городе Галац (ныне Румыния).

Пакты и конституции прав и вольностей Войска Запорожского (1710) — документ, составленный генеральным писарем Пылыпом Орликом после смерти Мазепы при его избрании казаками-эмигрантами гетманом в изгнании. Стал первой политико-правовой декларацией казацкой старшины об ограничении гетманской власти.

Примечание 2

(Словарь старинных малороссийских, казачьих и исторических терминов)

Алеа якта эст (Alea iacta est) — латинское крылатое выражение («Жребий брошен»), приписываемое Юлию Цезарю при переходе через Рубикон.

Батоги — толстые прутья или палки, применявшиеся для телесных наказаний.

Бахмач — старинное казачье местечко близ Батурина.

Ботфорты — высокие кавалерийские сапоги с раструбами.

Булава — символ верховной гетманской власти на Украине.

Гаман — кожаный мешочек или поясной кошель для хранения денег и табака.

Гармаши — пушкарки, артиллеристы Войска Запорожского.

Гармата — артиллерийское орудие, тяжёлая пушка.

Гетманщина — полуавтономное государственное образование казацкой старшины на Левобережной Украине под скипетром русских царей.

Горлиця, серденько — ласковые народные обращения к женщине («голубка», «сердце моё»).

Драгуны — конные полки, обученные действиям как в седле, так и в пешем строю.

Дукаты — золотые европейские монеты высокой пробы, имевшие хождение на Украине.

Елей — освящённое оливковое масло, применяемое в церковных таинствах елеосвящения (соборования).

Ефимок — русское обиходное название западноевропейского серебряного талера (иоахимсталера).

Жупан — приталенная верхняя одежда малороссийской шляхты и казацкой старшины из сукна или шёлка с узкими рукавами.

Зрада — измена, предательство.

Конотопские ворота — главные крепостные въездные ворота Батурина, обращённые в сторону Конотопа.

Кулеш — пшённая походная каша с салом, традиционное блюдо запорожцев.

Кунтуш — богатая распашная верхняя одежда знати с декоративными откидными рукавами, надевавшаяся поверх жупана.

Левендальдер (львиный талер) — голландская серебряная монета с изображением льва, популярная на рынках Малороссии.

Люлька — курительная трубка казака.

Московская чешуя — простонародное название мелких допетровских серебряных копеек-капелек неправильной формы.

Наказной гетман — военачальник, временно исполнявший обязанности гетмана во время похода или осады (в Батурине им был комендант Дмытро Чечель).

Омофор — архиерейское богослужебное облачение в виде широкой ленты на плечах; в просторечии — покров, защита Богородицы.

Панагия — нагрудный образ Богоматери или Спасителя в драгоценной оправе, знак архиерейского сана.

Посполитые — оседлые крестьяне-земледельцы в Гетманщине, не принадлежавшие к казацкому сословию.

Раскат — насыпная бревенчатая платформа на земляном валу для установки крепостных пушек.

Рейнвейн — белое рейнское виноградное вино, предмет роскоши гетманского двора.

Сердюки — наёмные пехотные полки личной гвардии гетмана, охранявшие Батурин.

Смердильница — глиняная или чугунная плошка с тлеющими травами, дёгтем или ладаном для окуривания помещений больного.

Човны — казачьи лодки-долблёнки и речные суда.